

В НОМЕРЕ:

- 1 стр. Осень в Новой Опере: анонсы событий октября и ноября
2, 5-6 стр. Басиния Шульман и Александр Гиндин – о концерте «Русская опера и балет для двух фортепиано»
3-4 стр. «Его хватало на всех...»: воспоминания Ариэль Клас

Осень в Новой Опере

1 октября Новая Опера приглашает в Зеркальное фойе насладиться обаянием французских вокальных миниатюр. Клод Дебюсси говорил об *изящности* французской музыки, что она стремится, прежде всего, *доставлять удовольствие*. Программа концерта **«Французские эпизоды»** наполнена изысканной музыкой Жоржа Бизе, Клода Дебюсси, Габриэля Форе и других французских композиторов. Для вас поют солисты театра. Партия фортепиано – Дмитрий Сибирцев, Анна Ситникова. Комментарий к программе – Михаил Сегельман.

8 октября на Основной сцене пройдет **Концерт, посвященный 85-летию Уральской государственной консерватории имени М.П. Мусоргского**. Старейший музыкальный ВУЗ Урала и Сибири за свою историю воспитал многих известных музыкантов и деятелей культуры. Среди них – основатели Новой Оперы Евгений Колобов и Наталья Попович, а также нынешний директор театра Дмитрий Сибирцев. В концерте примут участие выпускники УГК им. М.П. Мусоргского разных лет, а также Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев).

23 октября состоится **Церемония награждения Международной премии за лучшую аудиозапись российской академической музыки «Чистый звук»**. В Гала-концерте участвуют такие мировые звезды, как Юрий Башмет, Любовь Петрова и многие другие. За дирижерским пультом оркестра Новой Оперы – Юрий Медяник.

Кроме того, на нашей сцене традиционно можно увидеть спектакли в рамках **Четвертого фестиваля музыкальных театров «Видеть музыку»**.



22 сентября прошла опера Ефрема Подгайца **«Баранкин, будь человеком!»**. Этот яркий спектакль – совместный проект Детского музыкального театра юного актера и Новой Оперы по мотивам любимой с детства повести Валерия Медведева. Опера недавно вошла в наш репертуар и пользуется заслуженным успехом у зрителей. В следующий раз спектакль состоится **16 ноября**.

2 октября прозвучит камерная опера Бенджамина Бриттена **«Поругание Лукреции»**. Новая Опера представляет московскую премьеру, которая состоялась этой весной. *Духовный путь человека и Христа пропущены через хрупкое тело одной женщины – Лукреции* (режиссер-постановщик Екатерина Одегова).

29 октября на сцене Новой Оперы – **«Сказки Гофмана»** Жака Оффенбаха, спектакль Государственного театра оперы и балета Республики Коми. Люди и куклы, мистика и любовь –

фантастический мир единственной оперы композитора шаг за шагом раскрывается в драматургии спектакля.

5 ноября будет представлен спектакль Санкт-Петербургского Театра «Мюзик-Холл» – комическая опера Гаэтано Доницетти **«Дон Паскуале»**. На сцене постановочная группа воссоздает романтический мир солнечной Италии, вдохновленный фильмами мастера итальянского кинематографа Федерико Феллини.

И последний спектакль на сцене Новой Оперы (но не последний в рамках Фестиваля) состоится **7 ноября** – опера Джакомо Пуччини **«Турандот»** в постановке Донецкого государственного академического театра оперы и балета имени А.Б. Соловьяненко. Подлинный шедевр поражает своей глубиной и накалом страстей на фоне загадочного Востока.

Ждем вас в Новой Опере!

Материал подготовила
Александра ИГУМНОВА

#классика_для_всех, или Дуэт по-соседски

Фортепианный вечер на театральной сцене – событие неординарное. 3 октября в Новой Опере выступят известные пианисты Басиния Шульман и Александр Гиндин. Музыканты представят программу «Русская опера и балет для двух фортепиано». О работе в дуэте, выборе произведений, идее программы, уникальном видеоряде, а также о том, почему этот концерт будет интересен всем, Басиния и Александр рассказали в интервью.

Как сложился ваш ансамбль?

Александр Гиндин. Все началось с того, что я пригласил Басю сыграть с Калужским молодежным симфоническим оркестром на вечере памяти Николая Петрова в Большом зале Московской консерватории. Это было в апреле 2016 года.

Басиния Шульман. Да, мы играли Пятый Бранденбургский концерт Баха. А спустя полгода был проект, посвященный 100-летию со дня рождения Эмиля Гилельса. Там мы с Сашей и с Борисом Блохом исполняли Концерт для трех фортепиано с оркестром Моцарта.

А.Г. И в процессе выяснилось, что мы с Басей – соседи. Конечно, это подкрепило творческую составляющую. Вообще, я уверен, что фортепианных ансамблей было бы намного больше, если все пианисты жили бы в одном доме.

Ансамбль – это всегда командная работа? Может ли в ансамбле быть соперничество, конкуренция?

А.Г. Нет, конкуренции быть не может.

Б.Ш. Ни за что. Люди творят, идут к одной общей цели – зачем им конкурировать?

Важны ли одинаковые музыкальные пристрастия?

Б.Ш. Мне кажется, важно то, что у нас с Сашей одна и та же школа, что мы одинаково мыслим.

А.Г. Да, это важно. Должна быть одна школа звукоизвлечения. У каждого, естественно, инструмент звучит по-разному, но отношение должно быть более-менее похожим.

У вас никогда не бывает споров?

Б.Ш. Это не споры, это рабочие моменты.

А.Г. Можно сколько угодно спорить и к чему-то приходиться дома, но истина рождается на сцене. Помните, в фильме «Место встречи изменить нельзя» есть чудесная фраза: «Там вас помирят». Поверьте, исполнение на концерте сильно отличается от того, что мы готовим на репетициях, потому что музыка диктует свои законы. Согласна?



Басиния Шульман и Александр Гиндин

Б.Ш. Абсолютно.

А.Г. И это проверка, насколько мы, участники ансамбля, считываем эти законы.

Б.Ш. Когда выходишь на сцену, у тебя совершенно другое состояние – вдохновение, очень большая ответственность перед людьми, которые сидят в зале...

А.Г. Внимание к партнеру и к самому себе.

Б.Ш. Ты делаешь все по максимуму, концентрация безумная. Так что скорее наши репетиции – это тщательная проработка музыкальной идеи, звукового баланса. Когда на сцене два фортепиано, очень важно соблюсти баланс, ведь задача – не показать разницу между пианистами, а слить их в одну реку. Порой зрители не должны догадываться, кто в этот момент играет. А на это влияет много факторов – звук, туше, нюансировка, фразировка...

А.Г. И чувство времени! Это очень важная история именно в двухрельном музицировании. Когда рояль играет с другим инструментом, все чуть проще, так как разная атака [начало, формирование – Прим. ред.] звука.

А поскольку у рояля атака очень короткая – удар молотка по струне – невозможно предугадать партнера, можно только почувствовать.

А зрительный контакт друг с другом имеет значение?

Б.Ш. Конечно, я всегда вижу Сашу боковым зрением. По взгляду сразу понимаю, что он мне хочет сказать.

А.Г. Кстати, я убежден, что единственно верная посадка двух пианистов – валетом. Если говорить о том, в чем отличие от сольной игры, то здесь есть нюанс. Сольно ты играешь передней частью рояля, думаешь о том, что у тебя на клавишах, а в дуэте ты играешь в конец рояля, потому что там соединяешься со своим партнером. Это единое целое, в этом общем котле и варится музыка. Конечно, это момент воображения, но ведь как ты воображаешь, так и звучит. И то, что рояли стоят чуть-чуть под углом, позволяет всегда видеть друг друга. Это как зеркало заднего вида для водителя: не обязательно в него все время смотреть, но надо иметь его в виду. Если ты понимаешь, что партнер за тобой пойдет (грубо говоря, машина едет по прямой), (Продолжение на стр. 5)

(Продолжение. Начало на стр. 2) тогда все ясно без взгляда. А если впереди какой-то «поворот», то есть глазки – они всегда видны слева или справа от пюпитра.

Б.Ш. Пока Саша говорил про посадку валетом и то, что два рояля соединяются в одно целое, я осознала, что таким образом получается знак бесконечности. Это очень интересно, ведь энергия перетекает именно так.

Как вы выбираете произведения для концертных программ?

Б.Ш. На сегодняшний день играем то, что нам хочется выучить, отдать зрителю, то, что созвучно с внутренним состоянием, умением, желанием, предпочтением – по эпохе, по жанру, по композиторам.

А.Г. К этой основе еще добавляется вопрос выбора идеи программы. Принцип может быть любой – исторический, монографический, жанровый. Но ты должен, прежде всего, самому себе ответить на вопрос: почему так? В частности, программа, которую мы сейчас представляем в Новой Опере, для меня на этот вопрос отвечает. Она строится вокруг театра, вокруг трех композиторов – ярких фигур русской музыки, вокруг разных типов обработок для фортепианного ансамбля. Прозвучат три транскрипции, и все они – разные по сути. Сюита из оперы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» в транскрипции Вячеслава Грязного – это богатая, шикарная фортепианная обработка а-ля Лист. Концертный парафраз на темы из оперы Чайковского «Евгений Онегин» Павла Пабста – это скорее фантазия. А что касается «Петрушки» Стравинского – это типичная история, когда автор делает переложение для фортепианного дуэта, максимально близкое к оригиналу. Все эти три произведения очень хорошо воплощены, каждое в своем жанре.

Б.Ш. Добавлю лишь то, что музыка «Евгения Онегина» и «Петрушки» широко известна, а «Сказание о невидимом граде Китеже», пожалуй, не столь знакомое сочинение. А ведь это изумительная музыка, – репетируя, просто поражаемся!

А.Г. Причем это транскрипция не просто оперных номеров, а оркестровой сюиты из оперы. Сама по себе сюита – чудесная! Насколько логично и творчески оправданно выбран музыкальный материал из огромного произведения!

И обработку Слава Грязнов сделал великолепно. У него существуют и другие транскрипции для двух фортепиано. Скажу не без гордости, что практически все они спровоцированы мной.

Б.Ш. То есть ты его «муз»?

А.Г. Да-да! Это и Рапсодия *In Black* на темы оперы «Порги и Бесс» Джорджа Гершвина, и сюита из балета «Дафнис и Хлоя» Мориса Равеля. Без моего участия он сделал другую версию «Симфонических танцев» Сергея Рахманинова, сильно отличающуюся от авторской редакции. Слава пополнил репертуар фортепианного дуэта и ансамбля, его произведения – это жемчужины.

Формат фортепианного вечера – скорее филармонический. Как возникла идея выступить с этой программой на театральной сцене?

А.Г. На мой взгляд, идея концерта в Новой Опере – очень здравая, потому что акустически в этом зале рояль звучит отлично.

Б.Ш. Да, мы с Дмитрием Сибирицевым решили сделать этот проект. Я бы обозначила его хэштегом [#классика_для_всех](#), если говорить современным языком. Не хотелось бы, чтобы зрители думали: «Боже, как это сложно». Нет, эта программа для всех, и для детей в том числе.

Расскажите о видеоряде, который сопровождает музыку.

Б.Ш. Это очень важная часть программы. По моей просьбе видеорежиссер Артем Зубанов создал к каждому произведению свой видеоряд. В «Китеже» используются эскизы костюмов и декораций к спектаклю. Это работы Константина Корвина и других русских художников. В «Онегине» – пушкинские рисунки, как будто наброски на полях. В случае с «Петрушкой» – особая история. Помимо эскизов Александра Бенуа, которые будут показаны, мы

еще кое-что придумали. В нашем клавире есть авторский текст, объясняющий происходящее в тот или иной момент музыки.

А.Г. Своеобразный сценарий – лаконичный, но очень точный.

Б.Ш. Текст тоже выводится на экран. Он помогает почувствовать образ, характер – причем не только зрителям, но и нам.

А.Г. То есть фактически на сцене будет балет, только без танцоров...

Б.Ш. Мы за них!

Это значит, что обычный формат звучания музыки в концертном зале сегодня никому не интересен?

Б.Ш. Нет, это не так. Но нельзя не сказать, что сегодня аудитория изменилась – помолодела. А это значит, что мультимедийность вошла в жизнь настолько плотно, что это совершенно естественно. В данном случае мы не заигрываем с публикой.

А.Г. Все мы выросли на концертах Светланы Виноградовой, когда выходил лектор и рассказывал о музыке, а затем симфонический оркестр исполнял это произведение. Но сейчас технологии шагнули вперед, и публика всех возрастов, не только юная, воспринимает информацию, прежде всего, визуально. Пятьдесят лет назад просто не было



Басиния Шульман и Александр Гиндин

таких возможностей. А сейчас они есть, и можно сделать интересно, красиво, доступно.

Б.Ш. Кстати, мы не раз играли эту программу и без видеоряда. Публика всегда очень тепло принимает.

Концертные программы всегда должны нести образовательную функцию? Или легкая классика как развлечение тоже имеет право на существование?

Б.Ш. Мне кажется, образовательная часть – это правильно. Для меня это вообще основная тема, моя давнишняя творческая идея, я этим занимаюсь уже очень много лет. Я и сама как зритель люблю получать информацию. Развлекаться можно по-разному – например, дома с бокалом вина. А когда приходишь в зрительный зал, хочется выйти оттуда с неким новым багажом знаний.

А.Г. Причем знание не обязательно должно быть информативным. Это может быть духовное знание, эмоциональное, какое угодно.

Б.Ш. У меня двадцатилетний сын, я вижу, что с ним происходит. Если бы не я, он никогда не пошел бы в концертный зал, у него другие интересы. Это не значит, что у него плохой вкус – он тоже занимается творческим делом, и вполне успешно. Он с удовольствием ходит на концерты, и ему важно понимать, что артист хочет донести со сцены.

Может ли музыкант сегодня существовать без менеджмента? Важно ли уметь правильно подать свое творчество зрителям, концертным организациям? Обязательно ли самому артисту нужно в это вникать, или должно быть разделение обязанностей?

Б.Ш. Есть несколько вариантов развития событий: мечта и данность. Я не хочу заниматься менеджментом. У меня это занимает огромное количество времени. Это очень сложная работа. Она требует общения с огромным количеством людей и контроля, что не всегда приятно. Очень хочется, чтобы с тобой работал менеджер, который будет тебе звонить

и говорить: завтра ты играешь здесь, послезавтра там, вот твой гонорар, дорогая.

А.Г. С той поправкой, что если что-то в работе менеджера тебе не понравится, ты начнешь его исправлять самостоятельно. И мы опять вернемся к менеджменту. Существует же поговорка, трудно с ней не согласиться: хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сам. Истина где-то посередине, если она вообще есть в этом вопросе. Здесь все зиждется на человеческих взаимоотношениях, каких-то флюидах, которые и словами-то не выразишь, они складываются десятилетиями творческой карьеры.

Б.Ш. Да, это целая гамма взаимоотношений. Наверное, когда работали государственные структуры – Госконцерт, Москонцерт, филармонии (в том варианте, который существовал в Советском Союзе) – возможно, это и был выход для музыканта. А сегодня от менеджмента никуда не деться.

Есть ли планы сделать новую совместную программу? Где в ближайшие месяцы зрители могут вас увидеть?

Б.Ш. Уже сейчас хочу пригласить зрителей на концерт 4 декабря,

который тоже пройдет на сцене Новой Оперы. Это будет «Следствие одной пластинки» – вечер, посвященный 120-летию со дня рождения великой пианистки Марии Юдиной. Мы готовим программу вместе с замечательным артистом Леонидом Каневским, солистами Анастасией Бибицовой и Максимом Пастером, оркестром театра Новая Опера, дирижером Юрием Медяником и режиссером Михаилом Довженко. Все произведения программы, так или иначе, связаны с творческой судьбой Марии Вениаминовны: Двадцать третий фортепианный концерт Моцарта, которым в ее исполнении заслушивался Иосиф Сталин, музыка Сергея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича, с которыми она была дружна. В целом, творческих планов много, но всегда нужно понимать, для кого мы делаем тот или иной проект.

А.Г. Сейчас мы сыграем программу 3 октября и обязательно займемся новой. Хочется довести этот концерт до красивой финальной точки, а дальше – обстоятельства определяют сознание.

*Беседовала
Мария ТИХОМИРОВА*



*Басиния Шульман, Александр Гиндин, Борис Блох.
Фото basia.ru*

Ариэль Клас: «Его хватало на всех...»

Предисловие главного редактора

По вполне понятным причинам, театральная газета практически не обращается к сторонним авторам. Этот материал стал исключением. Евгений Верлин, китаевед, журналист, пишущий для ТАСС и других СМИ, в недавнем прошлом – Советник Посольства России в Эстонии, друг нашего театра, подарил интервью с Ариэль Клас, вдовой Народного артиста СССР, главного дирижера Новой Оперы в 2006–2011 годах, маэстро Эри Класа (1939–2016). Оно дается с незначительными сокращениями и редакционными заголовком и подзаголовками.



Ариэль Клас

С Ариэль Клас мы встретились в Таллине 14 августа 2019 года на развалинах Пиритаского монастыря, в перерыве между первым и вторым действием оперного спектакля «Фауст», который труппа Московского театра Новая Опера дала в рамках Международного музыкального фестиваля «Биргитта». Эри Клас основал фестиваль 15 лет назад, и в этом году он был посвящен 80-летию со дня рождения маэстро. Беседа накоротке продолжилась в доме Эри и Ариэль...

Встречи на пароме

Это так необыкновенно, что Новая Опера не забывает Эри! Расскажу вкратце о нем и нашей жизни. Мне было 17 лет, когда я познакомилась с Эриной мамой Анной Иосифовной, профессором, прекрасной пианисткой [в историю музыки вошел знаменитый фортепианный дуэт Бруно Лукк – Анна Клас. – *Здесь и далее прим. ред.*]. Я как раз заканчивала музыкальное училище, собиралась поступать в Консерваторию и ходила к ней на консультации. В каком году это было? Давайте подсчитаем.

Примерно в 1969-м?

Видимо, да. Тогда Эри был уже женат, и у него был ребенок. Но то знакомство было мимолетным, новые же встречи состоялись уже много лет спустя, в Финляндии, точнее, на курсировавшем между Таллином и Хельсинки пароме под символическим именем «Георг Отс». Эри ездил в Финляндию по творческим делам, а я уже там жила с моим вторым мужем и маленькой дочкой. И так получилось, что мы не раз встречались на этом пароме, и позднее оказалось, что наши сердца уже тогда бились в унисон.

А уже более значимая встреча у нас произошла, когда моя дочка Ангелика поступала в Академию имени Сибелиуса в Хельсинки. Кстати, обе мои дочери стали певицами, можно сказать, благодаря Эри Класу. Старшую, Ангелику, он выслушал и сказал: «Да, это голос, это талант!» А позднее он принял непосредственное участие в творческом становлении моей младшей, Марион. Когда мы поженились,

или, как говорят в Эстонии, «соединили хлеба», – в 1993 году, мне было 41, а Эри – 54 года.

«Это наш последний акт...»

Это было в Хельсинки?

Да, и там же мы вскоре купили квартиру. Правда, второй ногой жили в Таллине. Вообще же мы катались по всему миру.

А когда появилась квартира в доме, где мы сейчас находимся?

В 2014 году, менее чем за два года до кончины Эри. С этой квартирой у Эри многое связано. В парке стоит скамейка, еще при жизни Эри названная в его честь. А напротив нас располагается дом, где он долгое время жил после войны. Туда я ходила на фортепианные уроки к его маме. Видите табличку: «Здесь жил Эри Клас»? Помню, когда мы сюда только что въехали и открыли шампанское, Эри сказал: «Ну вот, это наш последний акт». Как вспомню сейчас об этом – мурашки по телу... не могла и подумать тогда, что в этой квартире Эри проживет так недолго. Этот дом, памятник архитектуры 1914 года, был полностью реконструирован. Как и наша квартира. Вы даже не можете себе представить, как радовался Эри! Он снова сделал мне предложение: «Хочу жениться на тебе заново!». На что я ему, шутя: «Погоди еще пару лет – у нас будет серебряная свадьба». «Нет, не будем ждать, я в тебя влюблен!». Каждый день он говорил: «Я тебя люблю». Но это уже было после того несчастья, когда он упал в феврале 2015 года. А уже после возвращения из больницы домой

он больной рукой на клочке бумаги написал: «Ариэль, я тебя люблю!». Здесь, когда Эри болел, он принимал коллег из Филармонии и множество других гостей. Сеансы физиотерапии следовали один за другим, Эри плохо ходил, хотя ему сделали тогда удачную операцию, после которой ногам стало лучше. Это я уже про последние месяцы говорю.

«Ордена и медали не помещались на груди...»

Мой взгляд упал на фото Эри Эдуардовича в смокинге с многочисленными наградами: как-то непривычно, слишком официально...

Эти ордена и медали не помещались на груди. Когда Эри ушел из жизни, я думала, – а что же он хотел оставить для меня, близких, друзей, для культуры? И пригласила в его кабинет представителей разных музеев. Они осмотрели вещи и документы. Я отдала им кожаный стул Эри, настольную лампу, партитуры, награды, массу фотографий, в которых запечатлена, можно сказать, вся история его жизни. И они все это архивировали.

Где все это теперь хранится?

В Эстонском музее музыки и театра. Но сейчас там очень тесно. Его хозяева надеются, что им выделят дополнительное помещение, и они сделают как бы уголки памяти достойных людей страны. Хочется, чтобы когда-нибудь это увидели посетители... Кстати, вот трости и зонтики, которыми пользовался Эри. Осталось лишь несколько – здесь побывало много людей, и мы щедро их раздаривали. Для друзей ему было ничего не жалко.

«Все уходили в слезах...»

Когда Эри работал в Новой Опере, вы жили с ним в Москве?

Нет, лишь приезжала на каждую премьеру и на другие интересные события. Естественно, Эри не находился в Москве постоянно, он бывал там периодически и жил в гостиницах или на съемной квартире. Было определено, сколько недель в году он должен проводить в театре как главный дирижер.

Как отметили 80-летие со дня рождения Эри Класа в Таллине?

8 июня в Эстонской опере устроили большой гала-концерт с участием всех, кого только можно было собрать. Дома я организовала памятный концерт-вечер (в другой день), было примерно 80 человек. Все это люди, хорошо знавшие Эри. В общем, все уходило в слезах. А солировала на этом вечере моя дочь Марион.

«Рассказываешь друзьям, – и становится легче...»

По вполне понятным причинам мы мало знаем о последнем годе жизни маэстро...

Зимой 2015 года мы с ним съездили в Париж, а когда вернулись – это было в Хельсинки, – со мной произошла ужасная история: выходя из автобуса в аэропорту Хельсинки, я поскользнулась и упала.

Итог – пять недель в гипсе с двумя сломанными ногами. И вот, когда я лежала дома в Хельсинки, – вдруг от него звонок из Таллина: «Я попал в больницу». Как? Было большое торжество с участием тысячи человек, и он там упал и вывихнул плечо. В больнице же обнаружили, что у него в результате падения случился инсульт. Тогда-то все и началось. Пока Эри там лежал, я к нему каждый день приезжала на костылях, варила бульон, кормила его. Но спустя два месяца все как-то нормализовалось, в апреле он выписался...

...А в сентябре появился на прощальном приеме в Российском посольстве по поводу завершения миссии посла Юрия Мерзлякова. И тогда, показалось мне, он не очень хорошо выглядел, почти весь прием просидел на стуле в Малом зале посольства.

Но не из-за проблем с ногами. Это было с мозгом связано, с последствиями множественных микроинсультов. Ему сделали сложную операцию, после которой стало лучше, Эри стал лучше

ходить, с гордостью демонстрировал, как двигается. Но потом опять стало хуже. К тому же у него стали опухать ноги, и что-то такое происходило, что ему периодически становилось плохо. Мы постоянно вызывали скорую. А в какой-то день врач предложил положить его на пару дней в больницу на обследование, и обнаружи-



Эри Клас

лась повышенная функция щитовидной железы. Ну и пошли в ход антибиотики... А когда, было, собрались выписывать, вдруг врач объявляет: «У Эри обнаружили клещевой боррелиоз [Болезнь Лайма]». И говорит: ничего страшного, это просто укус клеща, где-то на Сааремаа или на каком-то другом острове могло случиться, только потерпите еще немного. А Эри кричит: «Домой хочу», а я ему: «Еще день потерпи». И вот однажды прихожу, а его в палате нет! Оказывается, он уже в другой палате, причем у него сепсис. А врачи уже третьи по счету антибиотики назначают. Но Эри опять выходит из этого состояния! Прихожу на третий день, а у него легкое отказало... Неделя, вторая, месяц проходит, и ничего не могут врачи сделать! Ой, знаете, наверное, хватит. Зачем я говорю об этом? Рассказываешь друзьям, – и становится легче...

«Новую Оперу он любил как свое дитя...»

Все мы знаем, ценим и никогда не забудем не просто огромную – фундамен-

тальную роль Эри Класа в сохранении и развитии культурных и человеческих связей между Россией и Эстонией даже во времена глубокого кризиса связей политических... А что рассказывал он о Москве, России, Новой Опере?

Он обожал общение, он обожал Москву, она была его вторым домом. Ведь он там много жил – и когда в Большом театре дирижировал, и в период работы в Новой Опере. Этот театр он любил буквально как свое дитя. Сколько он рассказывал о нем, какой восторг был в его глазах, когда он приезжал из Москвы! Описывал увиденное и услышанное: солистов, артистов оркестра и т.д. Эри Эдуардовича хватало на всех – и на всемирных знаменитостей, и на творческих, и на простых людей. Он был прямым и честным человеком, ненавидел посредственность, но всегда восторгался качеством, причем во всем, а не только в музыке и театре. Мне его очень не хватает, но такие воспоминания, такие слушатели, как вы, память о моем дорогом Эри, которую хранят в Новой Опере, – все это очень поддерживает меня.

Беседовал
Евгений ВЕРЛИН

P.S.

I. Из интервью Эри Класа газете «Вешалка»: «Работу в театре Новая Опера я считаю одной из вершин моей карьеры. А ведь я, замечу, был главным дирижером семи оперных театров».

II. Из книги Эри Класа «Дирижер. Лицом к залу», 2006 (перевод Ильи Сунделевича)

Я окончил Ленинградскую консерваторию и в 1969 году поступил на стажировку в Большой театр к Борису Эммануиловичу Хайкину. Когда я впервые дирижировал в Большом театре «Травиату», Хайкин сидел в ложе и все время покашливал. Он в молодости перенес туберкулез легких. После спектакля он поднялся ко мне за кулисы и изрек: «Знаете, Эри, конечно, каждый художник имеет право на собственную концепцию, на выбор темпа и все такое прочее. Но вы, верно, никогда не болели туберкулезом, как я. Мой вам совет – не надо так спешить со смертью Виолетты в последнем акте».